

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ВЕРБАЛЬНОЙ ИРОНИИ

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 января 2010 г.

Аннотация: предлагаемая вниманию читателя статья состоит из двух частей. В первой части рассматриваются принципы семантической организации текста. Особое внимание уделяется лексической сочетаемости. Вторая часть статьи – это попытка анализа возможных последствий намеренного нарушения этих принципов в дискурсе. Примером такого нарушения является нетривиальная лексическая сочетаемость, которая приводит к усложнению семантики текста и появлению новых прагматических эффектов. В качестве результата семантических изменений рассматриваются переносные значения. Одним из вероятных прагматических эффектов, возникающих в результате нарушения лексической сочетаемости, является ирония.

Ключевые слова: принципы семантической организации текста, лексическая сочетаемость, вербальная ирония.

Abstract: the aim of the paper is twofold: firstly, it discusses several principles of semantic organization of the text structure with a special emphasis on word collocation. The second part of the paper analyzes possible effects of breaking these principles. Nontrivial word collocations challenge major principles of the semantic organization of texts and lead to meaning complications and subsidiary pragmatic effects. Semantic changes may lead to nonliteral, e.g. metaphoric meanings. Irony is one of the possible pragmatic effects which emerge from nontrivial word collocation.

Key words: principles of semantic organization of the text, word collocations, verbal irony.

Традиционное для лингвистики XX в. противопоставление языка и речи привело к тому, что в лингвистических исследованиях при преобладающем внимании к системным свойствам языка практически игнорировалось употребление, не обладающее очевидным свойством системности [1]. Даже возникшие во второй половине XX в. *анализ дискурса* и *лингвистическая прагматика*, которые, казалось бы, изначально были ориентированы на узус, долгое время не могли преодолеть исследовательских рамок системного подхода. Это проявилось, в частности, в движении «от теории к примерам», в обилии образцов «употребления», сконструированных самими лингвистами для подтверждения или опровержения существующих теоретических моделей коммуникации.

Положение стало меняться с развитием корпусной лингвистики, когда в руках исследователей оказался огромный объем текстового материала, отобранного и обработанного по определенным критериям. Работа с лингвистическим корпусом в некотором смысле противостоит исследовательской интуиции – иногда оказывается, что реальная речевая практика носителей языка не соответствует теоретическим предположениям, выдвинутым лингвистами. Благо-

даря привлечению больших массивов эмпирического материала в лингвистических исследованиях стало возможным движение в обратном направлении – «от употребления к объяснению». Еще одним важным следствием привлечения корпусных данных стал вывод о том, что речь не является непредсказуемым набором случайных, не поддающихся систематизации событий.

Новые возможности исследования реальной речевой деятельности вместе с возросшей потребностью в естественно-языковом диалоге человека с компьютером привели к тому, что лингвисты стали уделять внимание не только формальным (грамматическим), но и семантическим свойствам коммуникации. И если для отечественной лингвистики внимание к семантике является традиционным, то для западной лингвистики, находившейся последние полвека «в плену очарования» генеративной грамматики, это достаточно новая тенденция.

Системная лингвистика XX в. традиционно была ориентирована прежде всего на грамматический уровень, что подтверждается существованием целого ряда моделей грамматической структуры текста (от наиболее формализованной генеративной грамматики до функциональных теорий актуального членения предложения или референциально-ролевой грамма-

тики Р. Ван-Валина)¹. В то же время жесткая оппозиция языка и речи привела к тому, что семантические принципы организации текста продолжали оставаться без должного внимания исследователей. Исключением, пожалуй, является максимально формализованный принцип композициональности, согласно которому значение выражения является функцией значений его частей [3]. Этот принцип является фундаментальным в логико-философском анализе языка; кроме того, он находит широкое применение в формальных лингвистических исследованиях.

Однако даже сторонники принципа композициональности признают, что он имеет ограниченную сферу применения. Любое высказывание представляет собой компрессию мысли (т.е. часть информации остается невыраженной), а понимание сказанного или написанного во многом зависит от знания ситуации. Ср. мнение И. М. Богуславского: «... композиционный подход не учитывает некоторых важных аспектов функционирования языка и прежде всего – его творческой способности» [4, с. 9]. Очевидно, что некомпозициональны все способы непрямого общения, в первую очередь метафоры и вербальная ирония (такие случаи принципиально некомпозициональной лексической сочетаемости будут рассмотрены ниже). Возникает вопрос, существуют ли вообще какие-либо семантические закономерности объединения слов в высказывания и, шире, в тексты? Современная лингвистика отвечает на этот вопрос утвердительно, предлагая несколько вариантов объяснения.

Одним из них является С-Принцип семантической организации текста, предложенный А. А. Кротовым: «В языке С-принцип распространяется на сочетаемость смыслов, содержаний. Закон семантического согласования, управляющий сочетаемостью морфем и слов, звучит так: «Члены одной синтагмы не должны содержать взаимоисключающих компонентов значения» [5]. С-принцип объясняет, как повторяющиеся семантические компоненты обеспечивают смысловую связность на текстовом уровне.

Существуют и другие варианты объяснения семантической организации текста. Например, принцип открытого выбора (*open choice principle*) и принцип идиоматичности (*idiomaticity principle*), предложенные Дж. Синклером, в большей степени объясняют действия говорящего, а именно – выбор конкретных языковых средств для семантической организации текста [6].

Принцип открытого выбора описывает безграничные семантические возможности, признавая при

¹ Справедливости ради стоит сказать, что многие функциональные синтаксические теории в той или иной степени учитывают семантические характеристики лексики. Например, в модели «Смысл ↔ Текст» много внимания уделяется особенностям сочетаемостного поведения лексем [2].

этом существующие в каждом языке формальные, т.е. грамматические ограничения. Этот принцип в его наиболее радикальном понимании лежит в основе генеративной теории; более того, в рамках этого подхода он считается практически единственным принципом, регулирующим организацию предложения и текста. Доминирующее положение принципа открытого выбора позволяет игнорировать семантические свойства языковых единиц и создавать семантически неприемлемые предложения вроде ставших классическими *бесцветных зеленых идей*.

На самом деле в организации текста значительную роль играют и семантические ограничения, только они не настолько явно выражены по сравнению с ограничениями грамматическими. В качестве такого ограничения, уравнивающего принцип открытого выбора, Дж. Синклер сформулировал принцип идиоматичности.

Принцип идиоматичности разрушает миф о непредсказуемости речевой деятельности, о полной произвольности в семантической организации текста (заметим, что принцип идиоматичности вполне соотносим с упомянутым выше С-Принципом).

Дж. Синклер утверждает приоритет принципа идиоматичности над принципом свободного выбора в семантической организации текста: «Обычный текст в значительной степени делексикализован; представляется, что он создается на основе принципа идиоматичности с периодическим переключением на принцип открытого выбора»² (перевод мой. – К.Ш.) [6, p. 113].

Уравновешивая друг друга, эти два принципа регулируют семантическую структуру текста и позволяют, с одной стороны, экономить усилия за счет использования готовых конструкций, а с другой – реализовывать творческую функцию языка и создавать новые лексико-семантические сочетания.

Итак, лексическая сочетаемость оказывается тем средством, с помощью которого осуществляется регулирование семантической организации текста.

Само по себе изучение сочетаемости слов не ново: давняя лексикографическая традиция, описание фразеологии и идиоматики конкретных языков, а также современные подходы, например, когнитивная теория метафоры [7] или метод криптоклассного анализа [8] показывают, насколько наши знания о сочетаемости языковых единиц важны для организации текста и, шире, дискурса.

Традиционно внимание исследователей было сосредоточено на устойчивой, т.е. интуитивно очевидной сочетаемости и на выделении критериев, с

² «...normal text is largely delexicalized, and appears to be formed by the exercise of the idiom principle, with occasional switching to the open-choice principle» [6, p. 113].

помощью которых можно было бы четко разграничить различные виды устойчивых словосочетаний. Среди предложенных критериев – возможность семантического объяснения факта соседства слов. На основе этого критерия Ю. Д. Апресян разграничивает сочетаемость лексическую и семантическую: лексическая сочетаемость, в противовес семантической, является необъяснимой [9].

Если исследователей идиоматики интересуют, в первую очередь, семантически не мотивируемые устойчивые образцы лексической сочетаемости, то для нас интересны другие случаи – те, которые не вполне соответствуют критериям идиоматичности, предложенным в [10], однако вполне согласуются с более общими принципами семантической организации текста. Такие сочетания ощущаются носителями языка как типичные, ожидаемые, конвенциональные.

В «докорпусный» этап существования лингвистики считалось, что устойчивость присуща ограниченному количеству словосочетаний, и только в последние два десятилетия исследователи стали склоняться к мысли о неслучайности лексической сочетаемости [11]. На этот факт обращает внимание Е. В. Рахилина, анализируя семантику предметных имен в русском языке [12]. Сходные мысли есть и в работах, посвященных идиоматике: «В устойчивости выделяется *структурный* аспект и аспект *узальный*... Первый характеризует выражение с точки зрения его внутреннего устройства (ограничения на трансформируемость, дефектность парадигмы и пр.). Узальный аспект относится к восприятию выражения языковым социумом – к ощущению частой повторяемости выражения в речи разных носителей русского языка» [10, с. 50].

Таким образом, различными путями исследователи приходят к мысли о неслучайности речевых событий, системности семантической организации текста на уровне лексической сочетаемости: «Для каждого слова существует определенный круг контекстных партнеров, как бы «заданных» самой действительностью» [13, с. 54]. Сегодня идея системности лексической сочетаемости может быть прослежена на материале языковых корпусов.

В данной работе нас интересует устойчивость, которая не претендует на статус идиоматичности, но вместе с тем является характерной, высоковероятной, ожидаемой с точки зрения носителя языка. Снова сошлемся здесь на мнение Э. В. Кузнецовой: «В словах, которые, как правило, употребляются в одном и том же контексте, важнейшим фактором формирования их значений является именно связь с постоянными партнерами, вне которой они не могут быть осмыслены. Например, прилагательное *трескучий* имеет значение «*сильный*» только в сочетании со

словом *мороз*, и без указания на мороз охарактеризовать содержание этого значения невозможно» [13, с. 7].

Еще более интересны по своим семантическим и прагматическим свойствам случаи намеренного нарушения такой сочетаемости. Им и будет посвящена вторая часть статьи.

Наиболее очевидные случаи нарушения сочетаемости – это легко узнаваемые носителями языка разнообразные подстановки новых слов в устойчивые выражения. Такие подстановки традиционно классифицируются как игра слов, ведущая к возникновению эффекта интертекстуальности:

«Из прочих «*мужчин с большой цифры*» были замечены Григорий Березкин и Андрей Бородин» [<http://www.gazeta.ru/column/rynska/3339430.shtml>].

«*Спаси и оцени* // Волгодонская АЭС выдержала визит Владимира Путина» [«Коммерсантъ». 2010. № 47 (4347)].

Такая смена коллокаций выполняет ряд прагматических задач от развлечения адресата до обозначения дискурсивных позиций говорящего и адресата, а также выражения отношения автора текста к тому, о чем он говорит или пишет.

Другое дело – нетривиальные коллокации в конструкциях, которые не имеют статуса идиом. Нетривиальную сочетаемость можно назвать маркированной в противовес немаркированной, т.е. той, которая совпадает с семантическими ожиданиями слушающего/читающего (эти ожидания формируются благодаря повторяющимся семантическим компонентам, согласно С-принципу). Таким образом, конвенциональное употребление соседствует с творческим, нетипичным соположением семантических компонентов текста и играет не менее важную роль в создании и сохранении семантической связности текста.

Что происходит, если говорящий намеренно нарушает общий принцип семантической организации текста? Серьезные нарушения принципов соположения словоформ в тексте приводят к разрушению семантической структуры текста, к его обесмысливанию. Незначительные нарушения приводят к усложнению семантической структуры текста и часто сопровождаются возникновением дополнительных прагматических эффектов, например иронии.

Чтобы проверить эту гипотезу, нам необходимо, во-первых, выделить случаи «типичной» сочетаемости отдельных лексем в текстах, и, во-вторых, сопоставить эту «типичную» сочетаемость со случаями нетривиального соседства лексем в тексте.

Для определения наиболее типичных (т.е. частотных) сочетаний обратимся к Национальному корпусу русского языка (далее НКРЯ). Для данной работы особенно важно то, что привлечение корпусных дан-

ных для изучения семантических свойств текста выводит на первый план сочетаемость слов на самом элементарном уровне – в их ближайшем контекстуальном окружении. Корпусные данные показывают, что повторяющиеся контексты/семантические модели в сочетаемости – скорее норма в организации текста, а редко встречающиеся или единичные варианты словосочетаний – это сигнал дополнительной смысловой нагрузки. Данные о сочетаемости отдельных лексем, полученные из НКРЯ, послужат своего рода «контрольной группой», с которой будут сопоставляться случаи нетривиальной сочетаемости.

Случаи намеренного нарушения сочетаемости распадутся на две группы: в первой оказываются те контексты, в которых есть явные семантические противоречия в сочетаемости. В норме эти слова не должны оказываться рядом, поскольку в сознании носителей языка они связаны с различными областями референции.

Противоречия в семантике слов-соседей приводят к появлению метафор или являются сигналами специфического контекста (прагматически «сильного» контекста в терминах Е. В. Рахилиной [12]).

Проиллюстрируем изменения в семантике и прагматике текста конкретными примерами.

Для существительного *чирикание* НКРЯ предлагает следующие контексты:

Мимо окна пролетали капли с таявших сосулек под веселое чирикание одинокой ранней птахи.

Парки, сады, цветники, огороды; на бульварах воробьиное чирикание, детский крик.

Если ожидаемая для существительного *чирикание* сочетаемость *воробьиное/птичье/веселое* заменяется на гораздо менее вероятное *девичье* (как это происходит в предложении *Девичье чирикание десять дней оглашало склоны Куришелея*), то такая нетривиальная коллокация становится источником метафорического переноса.

Следующий пример – это случай, когда нарушение традиционной сочетаемости происходит на уровне коннотативного значения, и это приводит к возникновению сопутствующего прагматического эффекта – иронии. Например, глагол *постигать* в русском языке имеет тенденцию сочетаться с существительными с достаточно ярко выраженным негативным коннотативным значением. По данным НКРЯ, постигнуть человека могут *судьба, разочарование, участь, беда, недуг, несчастье, неприятности*. Поэтому, когда говорящий явным образом нарушает эту тенденцию, возникает дополнительный смысловой эффект:

Днями на Луганском портале Top появился любопытный материал под названием «Луганскую публику постигло счастье: к ней вернулась звезда выборной кампании А. Туманов» [<http://www.top.lg.ua/news/?id=7074>].

Несмотря на то, что Рэй Брэдбери считается элитарным писателем среди фантастов, многие его произведения были переложены на язык комиксов. Первые комиксы по мотивам рассказов Брэдбери нарисовали художники британского периодического издания E. C. Comics. При этом главный редактор Альберт Фельдштайн не удосужился поставить молодого автора в известность о постигшем его счастье [www.mirf.ru/Articles/art2613.htm].

– *Брандашмыг: снимаю перед Вами шляпу в благодарности!*

– *Можете не стараться:)* И вас и Лада97 *постигло счастье:)* [<http://otvety.google.ru/otvety/thread?tid=340d67491177c4d4&pli=>]

Соседство слов с противоположным коннотативным значением и есть источник иронии в приведенных выше текстах.

Также оказывается возможным ироническое употребление слова *враг* в сочетании с прилагательным *лучший*: «*Лучший враг Билла Гейтса*» – о создателе поисковика Google; «*Лучший враг женщины*» – в статье с таким заголовком речь идет о целюлите.

Расогласование лексической сочетаемости происходит не на грамматическом или лексическом, а на коммуникативном уровне. Е. В. Рахилина связывает этот факт с тем, что у лексем оказываются различными коммуникативные центры, т.е. коммуникативно значимые компоненты значения слов [12].

Вторая группа контекстов – это демонстрация сочетаемостного потенциала лексемы, когда в рамках одного высказывания она встречается в нескольких возможных окружениях. Результатом такой множественной сочетаемости является актуализация и контраст различных значений лексемы, что обычно сопровождается появлением дополнительных импликаций, например, иронии:

Tellingly, Julia Roberts serves the same function. Although she barely has anything to do, other than shove a lump down your throat during her shamelessly opportunistic segment, she plays an interesting extracine-matic role in “Valentine’s Day” just by being the only genuine movie star in it. (Ms. MacLaine has emeritus status, while Mr. Foxx’s stardom flickers more than beams) [The New York Times, 2010. Febr. 12].

Выше мы уже упоминали о том, что прагматическим эффектом нетривиальной лексической сочетаемости является ирония. Попытки описать способы создания иронии с помощью языковых средств обычно сводятся к двум моментам: во-первых, обосновывается мысль о возникающей дополнительной семантической сложности высказывания; во-вторых, вниманию читателя предлагается список конструкций, которые, по мнению исследователя, в определенной ситуации могут передавать ироническое значение.

В статье «Виды объективации текстовой иронии» О. П. Ермакова пишет: «Текстовая ирония очень разнообразна и с трудом поддается типизации» [14, с. 284]. Заметим, что это мнение – еще один пример реализации мысли о случайности, непредсказуемости речи.

Представляется, что значительное количество случаев возникновения иронии в тексте или устной коммуникации может объясняться нарушением ожиданий адресата на уровне лексической сочетаемости. Посмотрим на примерах, как соположение семантически несовместимых слов приводит к такому прагматическому эффекту.

На селекторном совещании, посвященном развитию отрасли, перед Владимиром Путиным была развернута масштабная картина безоблачного атомного будущего России [«Коммерсантъ». 2010. № 47 (4347)].

Если *безоблачное будущее* – вполне допустимое сочетание (8 контекстов в НКРЯ), то *атомное будущее* – коллокация единичная. Прилагательное *атомный* сочетается с существительными, относящимися к группе терминов, обозначающих понятия атомной энергетики, например, *энергетика, реактор, ядро, электростанция* и т.д. В этом смысле словосочетание *атомное будущее* нетривиально, оно нарушает ожидания читателя и, как любое неожиданное событие, обращает на себя внимание.

Прагматическим эффектом такой сочетаемости снова оказывается ирония, причем ирония, которую нельзя назвать прототипической и интерпретировать «от противного».

Иными словами, ирония может возникать в результате взаимодействия семантических и прагматических компонентов ситуации на уровне словосочетания (такое взаимодействие в англоязычной лингвистической традиции получило название семантико-прагматического интерфейса).

Подведем некоторые итоги. Логика развития исследований дискурса заставляет обращаться к сочетаемым свойствам лексики, которые во многом определяются семантикой.

Поведение лексем в тексте семантически мотивировано, и в этом смысле стандартная сочетаемость оказывается предсказуема. С другой стороны, творческое использование языка позволяет говорящему отклоняться от «стандарта», нарушать законы семантической организации текста и создавать новые значения. Иными словами, несмотря на стремление к идиоматичности (в духе Дж. Синклера), языковая система все же позволяет проверять семантические принципы «на прочность» через соположение различных по своей природе семантических компонентов. Проблема изучения сочетаемых свойств заключается в том, что, даже выделяя некоторые се-

мантические критерии, объясняющие выбор «соседей по контексту», исследователь должен помнить о жестком характере этих критериев.

Если исходить из С-Принципа семантической организации текста, следует признать, что он, как и любые другие семантические законы, не является жестким. Нарушение этого принципа становится источником переносных значений и/или дополнительных прагматических эффектов, например, иронии. Тогда вполне возможны и объяснимы семантически аномальные словосочетания типа «лучшие враги».

Сопоставление случаев нетривиальной сочетаемости с данными корпуса показывает, что семантическое усложнение (например, появление переносного значения или иронического эффекта) высказывания происходит не в отдельных словах, а на более крупных отрезках. «Двойное дно» появляется как результат нетривиальной лексической сочетаемости. Ближайшее окружение слова в тексте определяет как метафорический перенос, так и иронический смысл.

Понимание иронии базируется прежде всего на нашем языковом опыте. Интуитивное знание носителя языка об особенностях лексической сочетаемости играет важнейшую роль в организации дискурса. Знание о «типичной» и «нетипичной» лексической сочетаемости помогает нам создавать и распознавать имплицитные смыслы. Отсутствие такого знания и достаточного языкового опыта у детей объясняет, почему дети до 8–10 лет с трудом распознают иронию в общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.
2. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл↔Текст» / И. А. Мельчук. – М. ; Вена, 1995. – 682 с.
3. Partee B. H. *Mathematical Methods in Linguistics* / B. H. Partee, A. Ter Meulen, R. E. Wall. – Dordrecht, 1990. – 663 p.
4. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. – М., 1996. – 464 с.
5. Кретов А. А. Два принципа устройства мироздания и языка / А. А. Кретов. – Воронеж, 2010. – С. 17–25.
6. Sinclair J. M. *Corpus, Concordance, Collocation* / J. M. Sinclair. – Oxford, 1991. – 179 p.
7. Lakoff G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, 1980. – 241 p.
8. Борискина О. О. Теория языковой категоризации : национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж, 2003. – 211 с.

9. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – Т. I. Лексическая семантика – 472 с.
10. *Баранов А. Н.* Аспекты теории фразеологии // А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М., 2008. – 656 с.
11. *McEnery T.* Corpus-Based Language Studies / Т. McEnery, R. Xiao, Y. Tono. – London ; New York, 2006. – 386 p.
12. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен. Семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М., 2000. – 416 с.
13. *Кузнецова Э. В.* Русская лексика как система / Э. В. Кузнецова. – Свердловск, 1980. – 90 с.
14. *Ермакова О. П.* Виды объективации текстовой иронии // Славистика : синхрония и диахрония : сб. науч. статей к 70-летию И. С. Улуканова. – М., 2006. – С. 284–291.

Воронежский государственный университет

Шилихина К. М., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: shilikhina@gmail.com

Тел.: (4732) 20-41-29

Voronezh State University

Shilikhina K. M., Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics

E-mail: shilikhina@gmail.com

Tel.: (4732) 20-41-49